

— Говорят, что жена пятого брата — великая красавица, — мягко произнёс Жун Цзюэ. — Министр церемоний Юань Цзинь, как известно, был мастером поэзии и литературы, а его дочь также обладает выдающимися талантами, мягким нравом и знанием этикета. Ему действительно стоит радоваться.

— Да, конечно, — поднял голову Ци Нин. С усилием улыбнулся, но его глаза избегали взгляда Жун Цзюэ, и он прижался к его груди.

Жун Цзюэ почувствовал, что старые воспоминания и вещи вызывают в нём грусть, обнял его и утешил:

— Императрица, несомненно, будет доброй и милосердной ко всем в доме, не волнуйся.

Вскоре снаружи раздался шум родственников, которые шумели в свадебной комнате. Ци Нин слегка вздрогнул, поднял голову и глубоко поцеловал Жун Цзюэ. Жун Цзюэ закрыл глаза. Они стояли, обнявшись у галереи, и целовались долго, пока не услышали смеющийся голос Жун Мяня:

— Братя, расходитесь, я сейчас войду.

Ци Нин отпустил его, повернулся и сказал:

— Господин, давайте вернёмся.

— Император, император, пора вставать..., — Цзю-эр позвал в третий раз, прежде чем Жун Цзюэ с недовольством открыл сонные глаза.

— Император плохо спал прошлой ночью, — сказал Цзю-эр, помогая Жун Цзюэ подняться, и позвал служанок, чтобы они помогли ему умыться и одеться.

Жун Цзюэ развёл руки и потянулся:

— Поторопитесь, я не хочу, чтобы эти старики снова надо мной ворчали.

Цзю-эр понял его и сказал двум служанкам:

— Работайте быстрее.

Зал Цзиньлуань.

Чжао Жунцзюэ смотрел на толпу чиновников в зале с безразличием. После смерти Ци Нин он потерял интерес ко всему. За несколько месяцев правления бывшие великие секретари и важные министры его отца неоднократно пытались дать ему советы, как явно, так и тайно. В глазах этих чиновников он, как император, никак не мог считаться мудрым и великим правителем. Жун Цзюэ несколько раз видел, как Вэнь Шо качал головой и вздыхал, и в его сердце зрела усмешка. Сколько из этих стариков, на которых полагался его отец, действительно считали его достойным?

— Император, северная граница в последние годы постоянно подвергается набегам, — министр финансов Ван Суй стоял на коленях в зале, его лицо выражало беспокойство. — Во времена правления покойного императора предполагалось, что в течение десяти лет неизбежно начнётся война, и все эти годы готовились войска и запасы продовольствия. После восшествия вашего величества на престол в этом году уже было потрачено много средств на различные

церемонии, а теперь общенациональный отбор красавиц потребует ещё больших расходов. Военное министерство настаивает на выделении средств, и я, честно говоря, в затруднении...

Жун Цзюэ холодно усмехнулся в душе, но на его губах появилась лёгкая улыбка:

— Я помню, что несколько чиновников из Военного министерства специально подали петиции, выражая заботу о моём гареме и потомстве. Я был тронут и одобрил их просьбы. Но теперь оказывается, что это мешает военным расходам. Похоже, я неспособный император. Может, вы, господа из Военного министерства, научите меня?

Ван Суй стоял на коленях, не отвечая, ожидая, что кто-то из Военного министерства выступит. Раньше все говорили, что седьмой принц обладает мягким характером, и после его восшествия на престол чиновники с облегчением вздохнули, считая, что теперь их жизнь будет легче, чем при императоре Лунью. Однако за последние два месяца этот правитель, хотя и не был жестоким, оказался не таким уж простым в обращении. Ван Суй был самым молодым среди министров шести министерств, и его часто недооценивали. Когда Военное министерство начало его притеснять, он, зная, что Жун Цзюэ не станет его наказывать, сразу же подал петицию, чтобы избежать конфликта со стариками из Военного министерства.

Жун Цзюэ оглядел чиновников. Никто из высокопоставленных чиновников Военного министерства не вышел вперёд, но великий секретарь Сунь Му заговорил:

— Император, общенациональный отбор красавиц действительно требует больших затрат и отнимает силы у народа. В нашей династии был только один прецедент. Возможно, стоит попросить вдовствующую императрицу и императрицу выбрать несколько девушек из знатных семей среди высокопоставленных чиновников и родственников, а вашему величеству останется только выбрать тех, кто понравится.

— Слова Сунь Цина разумны, — кивнул Жун Цзюэ. — Однако я уже издал указ, и начальный отбор уже начался в регионах. Если я сейчас отменю его, это будет означать, что я потеряю лицо. Чжан Хэн, как ты думаешь?

Министр войны Чжан Хэн, на которого указали, встал на колени:

— Император, в этом году поставки продовольствия на северную границу действительно ещё не дошли. Я был вынужден настаивать перед Министерством финансов.

— Чжан Хэн, Сюй Хуань, Сюй Мучжи, Цао Янь, Хэ Мин, Юй Цинъяо, Лю Жань, Шэнь Жун, — Жун Цзюэ взял одну за другой петиции, которые были поданы ранее, и с силой швырнул их на пол, его голос стал резким. — Вы хотите заботиться о моих семейных делах, но теперь говорите, что военные расходы важнее. Может, вы дадите мне совет?

После его гневных слов в зале воцарилась тишина. Восемь чиновников, на которых он указал, встали на колени.

Чжан Хэн возглавлял группу, и восемь чиновников Военного министерства долго стояли на коленях, пока Жун Цзюэ, лениво сидя на троне, не произнёс ни слова.

После долгого противостояния между императором и этими стариками наконец кто-то не выдержал:

— Император, я хотел бы внести свой скромный вклад. Завтра я лично передам 500 лянов в Министерство финансов в качестве подарка вашему величеству.

Это был Сюй Мучжи, чья семья была богатой. Пятьсот ляннов превышали его годовое жалованье, но для него это не было проблемой. После этого Жун Цзюэ оглядел остальных, и все чиновники Военного министерства, стоявшие на коленях, тоже выразили готовность внести свой вклад.

Жун Цзюэ слегка улыбнулся:

— Хотя это капля в море, это знак уважения моих чиновников. Я принимаю это. Встаньте.

Все встали. Жун Цзюэ повернулся к Сунь Му:

— Поскольку мои чиновники проявляют заботу, я тоже позабочусь о них. Отбор красавиц отменяется. Сунь Дажэнь, как вы предложили, пусть вдовствующая императрица выберет несколько девушек.

Чиновники Военного министерства потерпели поражение, но никто не осмелился сказать что-то против, только произнесли:

— Император мудр.

На следующий день Министерство финансов получило 4 000 ляннов. Жун Цзюэ, услышав доклад в императорском кабинете, тихо рассмеялся.

— Император в хорошем настроении, — сказал Фан Ляочжи, стоящий рядом.

Лин Чэ был шокирован: император занимался делами, а этот человек осмелился говорить такие вещи, не относящиеся к официальным делам, а просто болтовню. Его смелость была необычайной.

— Просто заставил стариков немного понервничать. Кто им сказал вмешиваться в мои дела? — Жун Цзюэ не стал наказывать его, смеясь, ответил и оглядел Фан Ляочжи. Без всякой причины, когда Фан Ляочжи был на дежурстве, он чувствовал себя спокойно.

Фан Ляочжи ответил слегка хитровой улыбкой, но почему-то она выглядела благородной. Жун Цзюэ смотрел на него и медленно произнёс:

— Ты уже месяц как вернулся сюда со мной. Кто ты такой, почему стал нищим, где изучал «Цимень Дуныцзя», вспомнил ли что-нибудь?

Фан Ляочжи серьёзно задумался на мгновение, затем сказал:

— У меня есть отрывочные воспоминания. Я помню, что в детстве у нас был большой дом, в котором была трёхэтажная библиотека с книгами со всего света. Наверное, я читал их в детстве.

Жун Цзюэ долго смотрел на него, затем тихо вздохнул.

— Во дворце есть только одна копия. Мой отец приказал скопировать её для меня. Искусство управления государством доступно только членам императорской семьи. Я не знал, что у меня есть такой родственник.

Фан Ляочжи промолчал:

— Я не могу вспомнить большего.

— Обман императора — серьёзное преступление, Фан Цин, — Жун Цзюэ больше не смотрел на него, произнося это равнодушно, разворачивая секретный доклад Лян Яня.

На светло-жёлтом листе бумаги было написано: «Два месяца назад тело, брошенное на окраине столицы, бесследно исчезло. Я с собаками искал его десять дней, но в радиусе ста ли не нашлось никаких следов. Все найденные кости были осмотрены судебным экспертом, и среди них нет новых останков за последние два месяца».

Жун Цзюэ прочитал, скомкал бумагу и рассмеялся:

— Играешь со мной, смелость невероятная.

Лин Чэ, увидев, как быстро меняется выражение лица Жун Цзюэ, понял, что он снова вспомнил о том человеке, и дал Фан Ляочжи знак молчать. Фан Ляочжи кивнул.

— Господин Лин, теперь вы меня не ненавидите? — на обратном пути в лагерь гвардии Фан Ляочжи с улыбкой спросил Лин Чэ.

Лин Чэ покачал головой:

— Ты неизвестного происхождения, твои намерения непонятны. Если ты попытаешься причинить вред императору, я всё равно убью тебя. Но сейчас ты мой подчинённый, и если ты совершишь ошибку, весь лагерь гвардии пострадает. Я не хочу, чтобы другие пострадали из-за тебя.

Фан Ляочжи усмехнулся:

— Вам неловко признать, что вы заботитесь обо мне.

Лин Чэ ударил его ладонью, но Фан Ляочжи ловко уклонился, и Лин Чэ на мгновение застыл.

— Ты?

— Я говорил, что учусь быстро, — Фан Ляочжи тем же движением ударил Лин Чэ, и тот не успел уклониться. К счастью, у Фан Ляочжи не было внутренней силы, и удар был лёгким.

Лин Чэ всё ещё был в замешательстве, когда Фан Ляочжи сказал:

— Вы уже показали мне три приёма кулачного боя, и каждый из них впечатляет. Вы, несомненно, мастер боевых искусств. Научите меня, и я буду вам благодарен.

Внезапно Лин Чэ вспомнил другого человека, который тоже быстро учил его приёмам, и пробормотал:

— Тот тоже учился быстро, но никогда не мог понять суть с первого раза. Ты... умнее его.